

Глава 56. Судьба Барда.

— Ставлю 30 серебряных, что его поджарит магия Святой Девы!

— Держу пари на те же 30 серебра, что Ядохх выкинет его!

— Хорошо! Великий Я ставит 80 серебряных на то, что Хозяйка изобьет его до потери сознания и вышвырнет отсюда!

Охотники на демонических зверей шепотом переговаривались и с некоторым ожиданием смотрели на барда.

И вдруг.

— Вы ничего не понимаете.

— О, Милвелл. А что ты думаешь об этом? Собираешься присоединиться к нам?

— Конечно! Я с самого начала хотела сделать ставку. Итак, я ставлю 100 серебрянных, что Тацуми разденет его и голым выбросит отсюда.

Сложив руки, Милвелл посмотрела на охотников, уверенная в своей победе.

— Ой, эй, Милвелл. Ты уверена в своей ставке? Лично мне трудно представить вечно доброго Тацуми таким свирепым, понимаешь?

— Да, все именно так. Вы просто действительно ничего не понимаете.

Она тихо хихикнула и улыбнулась, полная уверенности.

— В такие моменты, бояться нужно не Кэлси, а Тацуми.

— ... Вынуждена отказаться. Вам нет необходимости знать мое имя.

— Как вы можете так говорить, о прекрасная леди. Наша встреча здесь и сейчас, это не ошибка, а руководство Бога Вечерней Луны Граваби. Пойдемте же, давайте вместе отдадимся Богу Луны.

— Я жрец Саваива. Я не собираюсь нарушать учения Граваби, но у меня нет оснований следовать указаниям этого Бога.

Таланд упорно пытался уговорить Кальцедонию, улыбаясь, в то время как она отвечала на его потуги абсолютным отказом.

Внезапно, Таланд бесцеремонно протянул руку и попытался взять тонкие руки Кальцедонии в свои. Но как раз перед тем, как он смог коснуться Кальцедонии, с другой стороны скользнула мускулистая серовато-коричневая рука.

— Ох дорогуша, какой активный человек. Мне не нравятся такие активные люди, знаешь ли.

Один из четырех глаз Ядохха подмигнул ему.

На мгновение на лице Таланда застыло рассеянное выражение, и он почувствовал прикосновение к своей руке. Он поспешно отдернул её, словно прикоснулся к чему-то горячему.

— Грубиян здесь только один и это не я! Сейчас общаемся только мы с прекрасной леди. Почему бы посторонним просто не пойти куда-то подальше?!

— Ооо, дорогуша, мне кажется, что сейчас подальше отправишься ты. Ты ведь не хочешь публично опозориться, не так ли? Тогда лучше поторопись и беги отсюда. Это ради тебя самого.

Улыбаясь, Ядохх предупредил Таланда.

Однако человек, о котором идет речь, снова повернулся к Кальцедонии, решив проигнорировать помеху.

— Вы самая красивая леди, с которой я когда-либо встречался! Жалкому мне, плененному вашим сиянием с первого взгляда, пожалуйста, дайте разрешение сыграть песню, что восхвалит этот прекрасный цветок, коим вы являетесь, и прославит его в веках.

— Нет, спасибо.

— Хахаха. Вам не нужно ограничивать себя. Даже высшая красавица Королевской столицы, знаменитая Святая Дева храма Саваива, будет омрачена вашей сияющей внешностью.

Легонько трунькая по совей лалайне, он начал петь о красоте Кальцедонии.

Бард сравнивал её со Святой Девой, но он не понимал, что эта самая Святая Дева была прямо перед ним.

По этой причине охотники за соседними столиками отчаянно пытались сдержать смех, краснея и скрючиваясь.

Итак, кто же первым проучит его?

Все, кто участвовал в ставках, внимательно наблюдали за столиком Тацуми и компании.

Внезапно Тацуми встал со своего места.

Охотники, которые надеялись, что первыми не выдержат Кальцедония, Ядохх или Эру, были удивлены этим развитием событий.

— Кэлси. Я собираюсь быстренько сходить домой. Я скоро вернусь, так что подожди меня здесь.

— Да, дорогой. Пожалуйста, будь осторожен.

Встав, Кальцедония глубоко поклонилась Тацуми.

Она не спросила причины. Она верила, что у него есть веские основания для того, чтобы четко

заявить, что он сходит домой в такой ситуации.

Тацуми тоже не беспокоился о том, что он оставит Кальцедонию в этом месте.

Прежде всего, он доверял ей, к тому же здесь были Ядохх, Милвелл, Эру и все другие их друзья. Когда понадобится помощь, они без сомнения протянут руку.

Улыбнувшись Кальцедонии, он выбежал из заведения.

Девушка, проводив взглядом его удаляющуюся спину, снова села, как будто ничего и не случилось.

Конечно, все это не прошло мимо барда.

Он стоял в полном изумлении, вообще не понимая, что только что произошло.

И все остальные чувствовали себя точно также; они гадали, почему Тацуми внезапно ушел домой.

— Хозяйка. Могу я что-нибудь заказать поесть?

— Даа! Конечно! Что бы ты хотела?

— Муж скоро вернется, так что две порции кишимена, пожалуйста. [1]

— Хорошо, Кишимен на двоих.

Ответив энергичным голосом, Эру сразу же исчезла за прилавком.

— Дорогуша, снова кишимен? Вам двоим он действительно нравится, да?

— Да, любимое блюдо Мужа – это кишимен хозяйки. Мы говорили о том, что будем заказывать, по пути сюда. Конечно, другая здешняя еда тоже хороша.

Решив игнорировать все еще ошарашенного барда, они бесечно болтали.

И вот Таланд наконец опомнился и поспешил снова завести разговор с Кальцедонией.

— О, ооох ваше прекрасное имя – Кэлси? Какое прелестное имя. Я уверен, что это имя подходит вашей красоте.

Спокойные звуки лалайны украшали слова Таланда.

Благодаря его красивому внешнему виду, хорошим манерам и искусству общения, сопровождаемому музыкой, обычные официантки легко попадали в сети его очарования.

Но это соблазнение вообще не работало на Кальцедонии.

Она беседовала с Ядоххом, полностью игнорируя присутствие мужчины.

— Я вернулся!!!

Не заставив себя долго ждать, Тацуми вернулся. Таланд был удивлен подобной скоростью, а охотники обратили внимание не на это.

Они уже знали о магии Тацуми, так что его быстрое путешествие домой и обратно никого не удивило.

Но сегодня люди с любопытством смотрели на Тацуми.

Нет, если быть точным, они смотрели на странную вещь, которую тот держал в руках.

— Что это, Тацумик? Не расскажешь сестренке?

Когда Ядохх, как и следовало ожидать, спросил, что это у него в руках, Тацуми, слегка гордясь, объяснил.

— Это музыкальный инструмент моей родины; он называется гитарой.

Да.

Вещь, призванная вместе с Тацуми из его дома. Акустическая гитара, память о его отце

— Ооо, «гитара», значит. И, и? Как она звучит?

— Я не играл на ней в последнее время, так что она может быть слегка расстроена...

Татцуми слегка прошелся по струнам, чтобы проверить.

Уникальный звук гитары тихо пронесся по [Эльфийскому Дому].

Естественно, это был первый раз, когда здесь слышали подобное.

Можно сказать, что инструменты этой страны были в основном подобны лалайне; они издавали высокий и сильный звук. Таким образом, низкий и мягким звук акустической гитары был чем-то новым для ушей собравшихся.

— Кэлси. Ты помнишь эту мелодию?

Тацуми начал играть песню из своих воспоминаний. Когда они вдвоем жили в Японии, это была популярная песня, которую они часто слушали вместе.

— Да, конечно.

Мягко улыбнувшись, она начала петь под гитарную музыку.

Гармония глубокого тона акустической гитары и сопрано Кальцедонии сплелись вместе, создав красивую мелодию.

Такие песни с легким ритмом, как сейчас играл Тацуми, раньше никогда не слышали в этом королевстве.

Песни, которые пели барды, сильно отличались от современных, потому что они были ближе к повествованиям, чем песням в современном понимании слова.

Слушая странную музыку, люди в гостинице были озадачены.

Но только в начале.

Восхитительный ритм, видимо, понравился охотникам, и они вскоре хлопали в ладоши и стучали ногами в такт мелодии.

Затем, новый голос присоединился со стороны.

Удивляя всех и даже Тацуми, начала петь Эру.

Когда она жила в Японии, она тоже часто слышала эту песню.

Гитара Татцуми, голоса Кальседонии и Эру. Три звука, объединённые в одну симфонию, наполнили музыку силой.

Кальседония и Эру, неизвестно с чьей подачи, взяли друг друга за руку и начали исполнять импровизированный танец.

Танец, в котором обе они пели и вращались одновременно, прекрасно гирмонировал с выступлением Тацуми. Это был танец, который больше напоминал спланированное представление, и действительно, многие из наблюдателей так о нем и подумали. От этого красота происходящего лишь увеличилась.

У него не было изящества придворных танцев, но это был обычный, счастливый танец, так знакомый простому люду. И две кружащиеся девушки были очень красивы; было бы странным не радоваться и восхищаться этим.

Они не понимали японских слов и не были знакомы с мелодией. Но, [Эльфийский Дом] попал под власть музыки Тацуми.

Вместе с виртуозным пением Эру и Кальседонии, их энергичным танцем, клиенты, работники, Ядохх и Милвелл, все хлопали и топали в такт.

Вскоре песня закончилась, и гостиница погрузилась в тишину. Но всего лишь на мгновение.

В следующий момент, заведение взорвалось громкими аплодисментами.

Все хвалили музыку Тацуми и пение девушек.

— Чт... что ... Э-эта музыка ... Что, эта песня сейчас ... Я ... я никогда не слышал такой музыки ... Нет, я точно никогда не слышал ...

Внутри ликующей гостиницы Таланд был единственным человеком, который выделялся.

Он, впервые встретив музыку другого мира, мог только остолбенеть.

Для Таланда, эта музыка полностью отличалась от всего, что он когда-либо слышал, музыканту было непросто принять такой удар. Однако остальная публика довольно легко восприняла нововведение.

Но, он был не настолько слабым, чтобы впасть в уныние от одного удара.

— Ах, ахахахаха. Это было потрясающе. Даже для барда вроде меня, ваш голос сейчас казался слишком идеальным. Оказывается, не только ваша внешность, но даже ваш голос обладает небесной красотой.

И снова он опустился на колени рядом с Кальцедонией и, положив руку себе на грудь, изящно поклонился.

— Как насчет такого? Вы научите меня своей музыке? Без сомнения, я, конечно же, компенсирую вам затраченное время. Да. Мы возьмем комнату в этой гостинице. Мы сможем расслабиться, поговорить вместе в одиночестве и ...

Видимо, он до сих пор так и не отказался от Кальцедонии. Любовь к женщинам должно быть много значила для него.

Под подбадривания охотников, Тацуми встал.

— Давай разберёмся с этим, хорошо? Она ... Кальседония вместе с тобой – это то, чего я не допущу. Смекаешь?

— Хех, хехехе, это правда, что твое выступление было довольно неплохим. Звучание этого инструмента, «гитары», тоже весьма недурно. Однако, сейчас идет разговор между мной и этой красавицей. Я не знаю, кто ты и откуда, но лучше отступись. Или ты думаешь, что эта леди полюбит тебя? Смирись, для человека такой средней внешности такая прекрасная девушка просто не подходит.

Чтобы показать свое превосходство во внешности, он небрежно откинул волосы. [2]

Определенно, внешний вид Тацуми нельзя было назвать ничем иным, как обычным. А тело Таланда, как бы ты ни посмотрел на него, было очень красиво.

Однако что-то подобное не имело значения. Кальцедония была крайне важна для Тацуми, и Тацуми был самым важным в мире человеком для Кальседонии.

Таланд не понимал этого.

Если бард попытается приударить за Кальцедонией, нет, если кто угодно попытается приударить за Кальседонией, Тацуми быстро станет очень сердитым.

— ... Скоро, я думаю?

Наблюдая за спором Тацуми и барда, Милвелл медленно начала двигаться к выходу из гостиницы.

Подойдя к нему, она тихонько открыла входную дверь.

— Кэлси, Эру, Милвелл и все остальные дамы, прошу прощения заранее.

После этих слов, он прикоснулся к Таланду ладонью.

Сразу же фигура Таланда как будто размылась.

И в следующий момент вся его одежда упала, оставив его обнаженным.

— А?

Таланд вообще не понимал, что произошло с его телом.

Девушки вскрикнули и закрыли лица, краснея.

Он снова коснулся Таланда.

На этот раз, Таланд исчез, он оказался на улице секундой спустя.

Конечно же, все еще голый.

Можно было услышать крики людей, идущих по улице.

Не получится не кричать, если вдруг в середине улицы появится обнаженный человек.

Все еще не понимая, что произошло, вышеупомянутый в замешательстве смотрел по сторонам, даже не прикрываясь.

Сверху что-то ударило его по голове. Это была его одежда и инструмент.

Когда Таланд посмотрел на вход в гостиницу, несколько охотников уставились на него. Он вздрогнул.

— Сообщение от хозяйки. По ее словам, вам запрещено входить сюда.

— Хочешь попытаться послушаться? Если да, мы не будем сидеть на месте!

— Мы избавимся от всех твоих инструментов и одежды!

Говорили преданные Эру постоянные клиенты гостиницы.

Поссорившись с Эру, бард мгновенно вызвал бы ярость всех, кому нравилось её заведение.

Если бы Тацуми прибыл чуть позже, Таланда, вероятно, и так уже выбросили бы на улицу.

Дрожа от магии Тацуми и пораженный единством охотников, Таланд поспешно собрал свои вещи и убежал, все еще голый, вызывая крики людей по пути.

Дверь закрылась со стуком.

Затем в гостинице раздался громкий смех.

— Отличная работа, Тацуми!

— Это было шикарно! Тот бард слишком уж распоясался, не так ли, ребята!

— Но разве ты не думаешь, что это было немного грубо? От такого сложно оправиться.

— Ага. После этого он точно не пойдет против меня.

— Ха-ха-ха, ну да. Он явно не забудет свой голый забег!

— Кстати, обнаженные девушки всегда приветствуются! Они могут заходить в любое время!

Смеясь, охотники на монстров хвалили Тацуми.

Когда он смущенно смеялся над этими слегка грубыми похвалами, он бросил взгляд на дверь и увидел Милвелл с поднятым большим пальцем.

Ответив ей тем же, он обернулся, чтобы посмотреть на Эру.

— Большое спасибо, Эру. Прости за неприглядность моих методов.

— Нет, нет, меня он тоже бесил, поэтому, пожалуйста, не беспокойся об этом. Кроме того, услышав эту ностальгическую песню, я нечаянно спела её.

Она высунула язык. Эта песня, которую она пела вместе с Кальцедонией, скорее всего, была песней, которую она часто пела с друзьями в караоке.

— Ой, Тацуми! Не собираешься сыграть еще одну? Давай, для нас!

— Эта песня ... Это что-то с твоей родины? Действительно запоминающаяся!

— Святая Дева, Хозяйка, спойте снова!

По просьбе клиентов, трио исполнили многие японские песни.

Говорят, в тот день, музыка, веселый шум и аплодисменты были слышаны из [Эльфийского Дома] до полуночи.

— ... Идиот, тебе не кажется? Я даже сказала ему идти куда подальше, прежде чем все это произошло...

В разгар веселья, Ядохх смотрел на входную дверь, выглядя скучающим.

К нему, хихикая, вернулась Милвелл.

— Что случилось? Ты выглядишь ... действительно счастливой?

— Да! Я получила огромную прибыль благодаря Тацуми!

У Милвелл в руках была огромная сумка с серебряными монетами. Она бросила её на стол, и сумка приземлилась с глухим звуком.

— ... Немного подло, не?

— Ой, да ладно. Я ведь не подбивала их на ставки. Я всего лишь присоединилась, понимаешь?

По правде говоря, Милвелл знала.

Некоторое время тому назад пьяный человек пытался облапать Кальцедонию и Тацуми оставил его без одежды.

Это произошло даже не в столице; они были на охоте.

Этот человек появился в гостинице для путешественников.

Подобное обычно происходит в таких местах.

Можно даже сказать, что пьяные мужчины, щупающие официанток и других женщин, - это повседневная вещь в гостиницах для путешественников.

Современные страны нашего мира имеют совершенно отличные от этого мира понятия о сексуальных домогательствах. В этом мире, можно сказать, что уклонение от таких клиентов - это обязательное умение, которым владеют все официантки.

Но этот человек выбрал своей целью неправильного человека. Более того, он сделал это на глазах у Тацуми.

Этот случай был похож на нынешний, Тацуми также телепортировал его из гостиницы.

Обнаженный и выброшенный на улицу, совершенно не понимая, что с ним случилось, он быстро убежал.

Даже люди там не поняли, что произошло, и позже говорили, что ночь прошла на удивление спокойно, потому что никто не устраивал переполох.

— В любом случае, разве ты не собираешься дать взятку за молчание?

— Конечно! Я много заработала, поэтому ты можешь взять сколько хочешь!

Она счастливо похлопала сумку, полную серебра.

С горькой улыбкой от действий Милвелл, Ядохх подумал о барде.

«Этот человек ... У него, конечно, хорошие навыки красноречия, но ... разве та самая часть не маловата? Как он мог угодить женщинам лишь этим?»

Размышляя о голом барде, Ядохх злорадно хихикнул.

Было уже за полночь, Тацуми наконец вернулся домой вместе с Кальцедонией.

Произнеся пароль и открыв замок, они вошли в дом.

Это был действительно веселый день.

Был этот странный бард, но они провели время с друзьями, ели хорошую еду и пили слабую выпивку вместе.

Думая о прошедшем дне, Тацуми повернулся лицом к Кальцедонии.

— Кэлси, прости, можешь свет...

Слова Татсуми прервались.

Что-то мягкое прикрывало его губы.

И в то же время он учуял слабый аромат. Аромат драгоценной девушки, которую он любил.

Мягкая вещь, закрывающая его губы, ушла. Он не мог ясно видеть в темноте, но прямо перед

ним сияли два драгоценных камня, что превосходили даже рубины.

— Муж ... Хозяин. Большое спасибо за то, что защитил меня сегодня.

— Нет ... я ведь...

«Сделал не так уж и много», - хотел сказать Тацуми, но его губы снова были покрыты той же самой мягкой вещью.

На короткое время все, что можно было услышать в темноте, было их дыханием.

— ...Все хорошо. Я счастлива, потому что ты сделал это для меня.

Глаза Тацуми привыкли к темноте, и он смог увидеть красивую улыбку Кальцедонии.

Обняв его, она потерла щеку об его грудь, словно маленькая птичка

[1] Тип плоской лапши.

[2] Что-то вроде этого:

<http://tl.rulate.ru/book/464/233135>